

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЧТЕНИЯ ОТДЕЛА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII ВЕКА**

Выпуск 7

**М. В. ЛОМОНОСОВ
И СЛОВЕСНОСТЬ ЕГО ВРЕМЕНИ**

**ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА**

Альянс-Архео
Москва — С.-Петербург
2013

**РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ XVIII ВЕКА
ВТОРОЙ ГЕРОИДЫ ОВИДИЯ
(Козицкий, Рубан, Ржевский)**

«Героиды», одно из первых произведений Овидия, — прообраз жанра не только эпистолы, но и элегии. Латинский поэт, любивший экспериментировать с новыми лирическими формами, впервые дает здесь голос героиням мифологии в удивительно современной форме. По мнению М. Л. Гаспарова, здесь Овидий «преображает самые известные мифологические ситуации, рассматривая их с непривычной точки зрения пассивного и страдающего лица».¹

«Героиды», «Героини» или «Послания героинь» состоят из 21 стихотворного письма, написанного элегическим дистихом. В первой части книги — 14 писем таких героинь древних мифов, как Пенелопа, Федра, Дидона, Ариадна, Медея, к их возлюбленным — Одиссею, Ипполиту, Энею, Тезею, Ясону и др. Пятнадцатое письмо принадлежит историческому лицу, это — послание Сафо к Фаону. Остальные шесть посланий, вторая часть книги, представляют собой переписку трех пар: Париса и Елены, Леандра и Геро, Аконтя и Кидиппы. В «Героидах» мифологические героини выступают как авторы-повествователи: они пишут от первого лица, обращаясь к своим возлюбленным.

¹ *Гаспаров М. Л.* Три подступа к поэзии Овидия // Овидий Назон Публий. Элегии и малые поэмы. М., 1973. С. 26.

Преобладающая тематика первой части «Героид» — описание ощущения одиночества, характерной для всех героинь скорби из-за разлуки с возлюбленным. Черты структуры послания таковы: в начальном обращении сообщаются имена отправителя и получателя, затем объявляется повод для написания письма, следует собственно письмо, послание завершается словами прощания. Каждое послание из первой части «Героид» разрабатывает общеизвестный сюжет античной мифологии. Характерные топосы этих посланий — это, например, слезы, которые размывают и стирают написанное, дрожащая или слабая рука женщины, пишущей письмо.

Предметом предлагаемого анализа является сопоставление трех русских переложений героиды II «Филлида к Демофону».² Согласно мифу, Филлида, дочь Ликурга, царя Фракии, влюбляется в Демофонта, сына Тезея и Федры. На обратном пути после Троянской войны буря выбрасывает судно Демофонта на берег Фракии, и Филлида спасает его. Оба влюбляются друг в друга, их свадьба дает Демофону царство и богатство. Внезапно он должен ехать в Афины и обещает вернуться через месяц. Филлида долго ждет его, но когда осознает, что Демофонт больше не вернется, то совершает самоубийство. Филлида превращается в миндальное дерево без листьев. Когда Демофонт наконец возвращается и узнает о ее смерти, он обнимает Филлиду-дерево и плачет. Она чувствует его слезы, и дерево покрывается листьями.³

Миф о Филлиде встречается в творчестве Овидия также в «Науке любви» (III: 37) и в «Лекарстве от любви» (стих 606), где упоминается в связи с ее трагической судьбой. В литературе бытует еще одна Филлида, более распространенная, чем первая. В «Буколиках» Вергилия (Эклога III) под этим именем представлена наивная пастушка, героиня идиллической любви. Такая Филлида встречается у эпигонов пасторальной поэзии XVII–XVIII веков. В изобразительных искусствах

² Вопрос о распространении сочинений Овидия в русской литературе выходит за пределы рассматриваемой темы. Среди последних публикаций об этом предмете см.: *Левинт М.* «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века — Pro et Contra // *Litterarum fructus*: Сб. ст. к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 142–153.

³ Phyllis — древесный лист (*греч.*).

с XIII века в Европу проникает с Востока известное предание об Аристотеле и Филлиде: гетера, в которую влюбился философ, садится на него верхом и символизирует торжество физической любви над разумом. Данное изображение становится популярным в Средневековье и в эпоху Возрождения.⁴

Как утверждают авторы «Истории русской переводной художественной литературы...», в русской литературе XVIII века произведения классиков античности распространялись медленно и с трудом. Особенно Овидий воспринимался русскими как «торжественный» и «книжный» автор, «несмотря на то, что его „Печали“ <...> и „Героиды“ <...> могли трогать сердца почитателей Ж.-Ж. Руссо и Л. Стерна».⁵ В качестве самого значительного переводчика Овидия упоминается В. Г. Рубан: «Имя В. Рубана связывалось в 1790-х гг. с именем Овидия. <...> Рубан переводил с оригинала, но злоупотреблял славянизмами и латинизировал синтаксис, усиливая этим тяжеловесность александрийского стиха».⁶

Библиографические сведения, собранные Е. В. Свиясовым, конкретизируют картину: в течение 45 лет, в 1748–1793 гг., в России появляется 16 переводов отдельных эпистол из «Героид».⁷

Ломоносов первым упоминает в 1748 г. это произведение Овидия в «Кратком руководстве к риторике». Стихи, взятые из послания «Пенелопа к Улиссу», он приводит как пример «зложелательства»; последнее слова Ариадны к Тезею представляют для Ломоносова образец «моления и прощания».⁸

⁴ См.: *Brandt R. Filosofia nella pittura: da Giorgione a Magritte.* Milano, 2003. P. 191–205; *Braun L. Iconographie et philosophie.* Strasbourg, 1994–1996. Part 1–2. Приводим самые известные примеры из обширной иконографии картин и гравюр: *Бальдунг Г.* Филлида и Аристотель (1503), *Бургмайер Г.* Аристотель и Филлида (1519), *Кранах Л.* Аристотель и Филлида (1530).

⁵ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия. С. 180.

⁶ Там же.

⁷ Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 340–341.

⁸ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии. С. 143, 282.

В 1759 г. Г. В. Козицкий перевел впервые целиком одну из героид. Вслед за ним другие послания переводят М. М. Херасков, А. А. Ржевский, В. Д. Санковский, И. Ф. Янкович де Мириево, В. Г. Рубан; известны также три анонимных перевода. В среднем каждые четыре года появляется по одному переводу из «Героид». За одним исключением переведены только послания из первой части «Героид». ⁹ Самые популярные — это послание Ариадны к Тезею (пять раз) и послание Филлиды к Демофону (три раза). Наиболее усердный переводчик — Рубан, за которым числятся четыре перевода посланий Овидия, из них один был опубликован дважды, см. (в скобках указан номер эпистолы из «Героид»):

1748 — Ломоносов (I, X, отрывки);

1759 — Козицкий (II);

1763 — Ржевский (II), Херасков (X);

1764 — Санковский (X, XVII);

1774 — Рубан (I, II);

1783 — аноним (X);

1788 — аноним (IV), аноним (XI);

1791 — Рубан (III, XI);

1793 — Янкович де Мириево (V), аноним (X).

В эпистоле «Филлида к Демофону» (148 стихов) Овидий выражает скорбь и отчаяние героини, ее печальные мысли, вплоть до решения покончить с собой. Композиция послания такова:

1. В первых двух стихах сообщается, кто пишет, кому и почему: Филлида пишет Демофону, потому что он не вернулся к сроку;

2. Филлида поддается иллюзиям и питает надежду о возвращении любовника, но разочаровывается;

3. Она горько упрекает обманщика, нарушившего этическое правило гостеприимства;

4. Она вспоминает зловещие предзнаменования их брачного союза;

5. В ее понимании, поруганную честь можно искупить только смертью;

6. Несчастливая любящая женщина сочиняет надгробную надпись себе.

⁹ В 1764 г. Санковский перевел героиду XVII (Ответ Елены Парису).

В оригинальной русской литературе имеется трагедия Ломоносова «Демофонт» (1751–1752),¹⁰ где на первый план выдвигается любовь героя к Филлиде. Не вникая в подробности произведения, отметим лишь его черты, касающиеся тематики нашего анализа. Ломоносов вольно развивает сюжет Овидиева послания из «Героид», который служит ему предысторией. При своем первом появлении Филлида кратко излагает события ее встречи с Демофонтом и их любви. Она «ослеплена» любовью и оправдывает нерешительность Демофонта:¹¹ любовники уже клялись во взаимной любви и должны сочетаться браком. Демофонт, однако, уже как будто «устал» от нее и колеблется между Филлидой и другой женщиной, Илионой.¹² В ломоносовской трагедии Демофонт представлен как человек слабый и полный сомнений. Подлинными героинями оказываются обе женщины, стойкие и верные.

Полностью послание «Филлида к Демофонту» было опубликовано на русском языке трижды в течение 15 лет: два раза прозой и один раз стихами.¹³

Первый прозаический перевод эпистолы, опубликованный в «Трудолюбивой пчеле» в 1759 г., принадлежит Г. В. Козицкому (1724–1775).¹⁴ Филолог-классик по образованию, Козицкий учился в Киево-Могилян-

¹⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. С. 411–486. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера страниц в скобках. И. Клейн посвятил статью этой трагедии Ломоносова, сравнивая ее с «Андромахой» Расина, на основе которой она была составлена. Клейн И. Ломоносов и Расин («Демофонт» и «Андромаха») // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти П. Н. Беркова (1896–1969). С. 89–96. Клейн И. Ломоносов и трагедия // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 28–42.

¹¹ «Но я, ослеплена, причины вымышляю! / И, видя явну лесь, его же изви-няю!» (420).

¹² «Я жалостью к одной и нежностью пленен, / Другой заслугами и должно-стью вручен» (439); «Я благодарность там любовью называл, / Как здесь саму любовь за жалость почитал» (443).

¹³ Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. ... С. 340–341.

¹⁴ Козицкий Г. В. Письмо, сочиненное Публием Овидием Насоном («Угостив-шая тебя, Димофоонт...») // Трудолюбивая пчела. 1759. № 9. С. 515–524. Подпись: Г. К.

ской академии, продолжил свою учебу в Германии; вернувшись в Петербург, получил работу в Академии наук. Его наставник Ломоносов, высоко ценивший Козицкого, помог ему получить место. Козицкий знал латинский, греческий и еврейский языки. В 1759 г. он сблизился с Сумароковым и печатался в его журнале, первый номер которого открывается его большой статьей «О пользе мифологии». В этой работе Козицкий подробно мотивирует важность мифологии как вспомогательного источника исторических знаний о разных народах¹⁵ и объясняет смысл названия самого журнала.¹⁶ Козицкий публикует здесь и другие переводы из древней классической литературы (Сафо, Овидий, Лукиан, Тит Ливий). Литератор кончил свою жизнь трагично — он почему-то пытался совершить самоубийство и умер несколько дней спустя от нанесенных себе ран. Творчество Козицкого до сих пор недооценено исследователями и заслуживает более глубокого внимания.¹⁷

Козицкий дает своему переводу заглавие: «Письмо, сочиненное Публием Овидием Насоном, „Филлида Димофоунту“». Текст занимает девять страниц журнала; у него нет ни предисловия, ни примечаний. Стихотворный подлинник переведен хотя и прозой, зато на редкость точно: филолог явно намерен передать все смысловые оттенки латинского текста. Авторы «Истории русской переводной художественной литературы...» утверждают, что для него «важна была не форма, а сюжеты, вошедшие в духовный мир западной и русской культуры».¹⁸

¹⁵ «Великое человеческому роду дарование божие — ум, мыслящий и рассуждающий не только о всех видимых, но и от зрения нашего сокровенных вещах, не только о вещественных телах, но и о душах, веществу вовсе непричастных: не меньший воистину дар и слово, без которого мы, может быть, не столь различествовали бы от прочих зверей». См.: Трудлюбивая пчела. 1759. № 1. С. 8.

¹⁶ «Виновны ли в том благоуханные цветы, когда змея из них не полезные, но вредительные высасывает соки? В том намерении и я предложил здесь о пользе мифологии, чтоб читатели, обучаясь и упражняясь в оной наподобие трудолюбивых пчел, то только из нее собирали, что знание их умножить, нравоучение им подать и благополучия их причиною быть может». См.: Трудлюбивая пчела. 1759. № 1. С. 33.

¹⁷ Биографические сведения о нем см.: Степанов В. П. Козицкий Григорий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 93–98.

¹⁸ История русской переводной художественной литературы... С. 182.

При сопоставлении всех трех русских переводов XVIII века данного послания оказалось, что только работа Козицкого является настоящим переводом; остальные публикации — лишь обработки текста Козицкого. Ржевский дает лирический пересказ (надо сказать, очень удачный) мифа о Филлиде, опираясь на перевод предшественника; в случае Рубана мы обнаружили, что тот попросту копирует с незначительными изменениями труд Козицкого.

Рассмотрим подробнее главные черты перевода Козицкого. Его точность — филологическая. Это заметно уже в написании имени «Димофоонт» с двумя *o* в последнем слоге. Примером может послужить начало послания:

Hospita, Demophoon, tua te Rhodopeia Phyllis
Ultra promissum tempus abesse queror¹⁹ (10)

Ср.:

Угостившая тебя, Димофоонт, Родопская твоя Филлида, жалобу на тебя к тебе ж приносит, что ты к уреченному времени сюда не возвратился.²⁰

При передаче понятий, для которых еще не было соответствий в русском языке, Козицкий черпает нужные слова из церковнославянского, что придает переводу языческого текста христианский оттенок. Приведем пример. В жалобах Филлиды выражены этические ценности античной культуры. Она обращается к Демофону словом *sceleratus* (стих 17) от слова *scelus* (*преступление, злоба*), то есть *преступник* или *негодяй*. Демофонт не сдержал данного Филлиде обета, оскорбив ее не только как царскую дочь (что делает его преступником), но и как женщину (что делает его негодяем). Козицкий выбирает первое значение и переводит *sceleratus* (в смысле: *преступник*) как *беззаконный*, причем данное слово привносит смысловой оттенок *грешник*.

¹⁹ Ovidio, Publio Nasone. Eroidi con testo a fronte / Intr., trad e note E. Salvadori. Milano, 1996. P. 10–19. Героида II приводится по этому изданию, далее указываются страницы в скобках.

²⁰ Козицкий Г. В. Письмо, сочиненное Публием Овидием Насоном «Филлида Димофоонту»... С. 515. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора и номера страниц в скобках.

Иногда Козицкий русифицирует реалии античного мира. Приведем в качестве примера стихи 115–116, взятые из пассажа, где Филлида перечисляет все отнятое у нее Демофонтом:

cui mea virginitas avibus libata sinistris
castaque fallaci zona recincta manu (16).

Пер.:

<ты>, который взял мою девственность при зловещих предзнаменованиях, / и чистый пояс был развязан неверной рукой.

Козицкий переводит:

<...> которой девство ты в несчастливое нарушил время и целомудренный пояс изменнической развязал рукою (Козицкий: 522).

Примечательно, что в переводе отсутствуют языческие «зловещие предзнаменования», то есть признаки, предвещающие несчастье. Амбивалентное выражение «casta zona» («чистый пояс») с дословным значением «незпятнанная ткань» и с переносным значением «девственность» у Козицкого как будто «христианизируется», превращаясь в «целомудренный пояс». Еще один пример: в стихе 41 словосочетание «taedifera dea» («факелоносная богиня») переведено Козицким как «свеченосная богиня».

Рассмотрим теперь перевод Рубана. Как и Козицкий, он учился в Киево-Могилянской академии. Рубан знал латинский, греческий, французский, немецкий и татарский языки. В 1774 г. он опубликовал в Петербурге отдельной книгой два перевода героид Овидия: «Пене-лопа Улиссу, или Одиссею» и «Филлида Димофону».²¹ Послание Филлиды с 38 объяснительными примечаниями о географических и мифологических именах и не общепонятных выражениях занимает десять страниц. Как уже было сказано, текст второго послания в книге Рубана почти полностью совпадает с переводом Козицкого 1759 г.:

²¹ *Овидий Публий Назон*. Две ироиды, или Два письма древних ироинь, / сочиненные Публием Овидием Насоном, с приобщением авторовой жизни, содержащий и нужнейших на каждое письмо изъяснений / перевел с латинского на русский язык Василий Рубан. СПб., 1774. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора и номера страниц в скобках.

(Козицкий: 517)

Где теперь Именей, которым клялся ты, чтоб совокупно со мною жить, который мне поверенным и порукою брака был? Морем, которое все ветрами и волнами воздвигается, которым ты часто езжал, и которым опять намерен был ехать, сим морем и твоим ты мне клялся, разве и того ложно так называешь, который возмущенные ветрами моря укрошает, дедом, Венерою и жестоко меня уязвившим Купидоновым оружием, которое есть лук и свечи; и Юоною, которая милостиво предсидит одрам сочетанных браком, и таинственными празднованиями свеченосной богини.

(Рубан: 17)

Где теперь Именей, которым клялся ты, чтоб жить со мною совокупно, и который мне поверенным и порукою был брака? Морем, которое все волнами и ветрами воздвигается, которым ты часто езжал, и которым опять намерен был ехать. Сим морем и твоим ты мне клялся; разве и того ложно так называешь, который возмущенные ветрами укрошает моря, дедом, Венерою и жестоко меня уязвившим Купидоновым оружием, которое есть лук и светочи, и Юоною, которая благосклонно предсидит одрам сочетанных браков, таинственными празднованиями свеченосной богини.

В текстах встречаются лишь незначительные изменения. В частности, Рубан иногда меняет только порядок слов:

Козицкий:

обладать будет;
не дойдет до тебя сия моя жалоба.

Рубан:

будет обладать;
сия моя жалоба не дошла до тебя.

Порой он меняет также пунктуацию:

Козицкий:

Однако конец похваляет дело: дай Бог, чтоб те не имели успеха.

Рубан:

Однако конец *похваляет дело* (курсив в тексте. — М. В.). Дай Бог! Чтоб те не имели успеха.

Местами Рубан проводит легкую стилистическую правку перевода Козицкого:

Козицкий:

беззаконный;
что ты к уреченному времени сюда не возвратился;
для того что я чужестранного предпочла своим;

Рубан:

беззаконник;
что ты к назначенному времени сюда не возвратился;
для того что я чужестранца предпочла своим;

неверный, и отческого обмана наследником себя показываешь;
я тебе вспоможение дала;
оруженосною.

неверный, и отческого обмана наследником себя показываешь;
я тебя вспомоществовала;
оруженною.

Любопытную категорию вторжений в текст Козицкого со стороны Рубана представляют собой недоразумения и псевдо-исправления.

Стих 117 Овидия: «Pronuba Tisiphone thalamis ululavit in illis» Козицкий переводит: «Сваха Тисифона выла тогда в чертогах», точно передавая значение глагола; у Рубана же читаем: «Сваха Тисифона была тогда в чертогах». Или это опечатка, или Рубан, механически переписывая, совершил ошибку.

Стих 96 Овидия: «quodque foret velis aura secunda queri» Козицкий переводит точно: «И жаловаться, что способный был парусам ветер». Рубан, переписывая, опустил слово и дал фразе другой оттенок: «И жаловаться, что способный был ветер».

Любопытно также окончание «перевода» Рубана. Текст, как везде, взят у Козицкого, но последние четыре строки превращены Рубаном в стихи:

Козицкий:

Напишут на гробе моем твое имя как ненавистного причинителя моей смерти; и будешь ты потомкам известен сими или сим подобными стихами.

Димофоонт умертвил Филлиду, угощенный любящею он подал ей причину смерти, а на смерть употребила она собственную руку.

(Козицкий: 523–524)

Рубан:

Напишут на гробе моем твое имя как ненавистного причинителя моей смерти; и будешь ты потомкам известен сими или сим подобными стихами:

Филлиду Димофонт (неверный) умертвил, Которою любим и угощен был.

Он смерти подал ей причину (через разлуку), А собственну она воздела руку.

(Рубан: 24)

Почему Рубан перепечатал перевод Козицкого под своим именем? Ответить на этот вопрос мы затрудняемся. Рубан имел «репутацию бездарного графомана и даже алчного стяжателя».²² Можно предполо-

²² Николаев С. И. Василий Григорьевич Рубан // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 71.

жить, что в подготовке издания 1774 г. сыграли свою роль какие-то неизвестные нам финансовые мотивы. Это тем более загадочно, что Козицкий ко времени публикации книги Рубана был еще в живых.

Третья версия эпистолы «Филлида к Демифонту» принадлежит Александру Ржевскому. В журнале «Свободные часы» в 1763 г. за его подписью (А... Ржевской) напечатано произведение под названием «Героида. Филлида ко Димифонту» с подзаголовком: «Сочинение Публия Овидия Насона; в росские стихи делана с переводу».²³ Автор сообщает, что он обработал чужой перевод. Он имел в виду перевод Козицкого, как явствует из ряда совпадений. Некоторые примеры будут указаны ниже.

Героида Ржевского снабжена кратким предисловием, заключение которого прямо связывается с начальными стихами: «<...> а обещание было не исполнено, тогда Филлида ко супругу писала тако» (Ржевский: 637). Повторение в первой строке стихотворного текста слова «пишет», в позиции клаузулы, подчеркивает композиционную структуру текста, где предупреждение оказывается слитым с поэтическим текстом.

Само переложение написано александрийским стихом; объем текста в 290 строк вдвое превышает количество стихов у Овидия — 148.

Прозаический перевод Козицкого является для Ржевского исходным текстом его поэтической обработки. В качестве очевидного примера можно привести выше процитированный перевод Козицкого «Однако конец похваляет дело» (Козицкий: 520), который дословно повторяется у Ржевского: «Однако же конец все похваляет дело» (Ржевский: 642). Другой пример может быть показателен для поэтического переложения Ржевским точного содержания оригинала, вслед за Козицким:

Стихи:

*Illa meis oculis species abeuntis inhaeret,
cum premeret portus classis itura meos (14)*

²³ *Ржевский А. А.* Филлида к Димифонту («Родопска, Димифонт, сие Филлида пишет...») // *Свободные часы*. 1763. № 11. С. 637–646. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора и номера страниц в скобках.

Пер.: У меня все еще перед глазами картина твоего отъезда, когда готовый к отправлению флот теснился в моей гавани <...>.

Козицкий:

Всегда глазам моим представляется твое лицо, каково оно в то время было, когда ты отправлялся в путь, и когда уже корабли в моей пристани к отъезду были приутовлены (Козицкий: 520).

Ржевский:

А ты глазам моим мечтаешься всечасно,
Прелестной вижу взор, лице твое прекрасно,
И так, каков ты был, тогда как отъезжал <...>
(Ржевский: 642).

Рассмотрим, каким образом Ржевский обрабатывает рассмотренное выше место, где отчаяние Филлиды из-за потери девства и чести превращается в ярость.

Козицкий:

Которой девство ты в несчастливое нарушил время, и целомудренный пояс изменническою развязал рукою. Сваха Тисифона выла тогда в чертогах, и пустынная птица пела в ужас приводящие и злополучие предвещающие песни, присутствовала Алектона, обвитую имея голову короткими змеями (Козицкий: 522)

Ржевский:

<...>
Которой в злейший час нарушил девство ты
И, целомудренной коснувшись чистоты,
Изменническою снял пояс ты рукою
И вечно грудь стеснил жестокою тоскою.
Пустынна птица тут воздвигла страшный глас,
Имуща на главе змей на место влас²⁴
Присутствовала здесь в час оный Алектона,
И мстяща за грехи здесь выла Тисифона
(Ржевский: 644)

Здесь поэт явно следует переводу Козицкого, передавая даже более точно содержание Овидиева текста, и сохраняет смысл «зловещих

²⁴ Этот стих ритмически дефектен: не хватает одной стопы.

предзнаменований»; кроме того, Ржевский выразительно описывает «locus horridus», где эринии Алектона и Тисифона (соответственно, «не прощающая, безжалостная» и «мстительница за убийство») представляют собой олицетворение гнева безутешной Филлиды.

Сюжет второго послания передан точно; поэт местами дополняет, местами сокращает содержание, подчеркивая любовные мотивы. Прием амплификации заметен с первых же стихов: в отличие от оригинала Ржевский рассказывает всю историю Филлиды и Демофонта, включая и предысторию:

Родопска, Димофонт, сие Филлида пишет,
Которая тобой питается и дышит,
Которою корабль твой в пристань был впущен,
И коею ты был прият и угощен,
Та жалобу тебе и на тебя ж приносит,
И твоего суда себе с тобою просит.
Ты сделал договор, прощаясь со мной <...>
(Ржевский: 638).

Произведение написано в характерной для Ржевского манере, с избытком различных стилистических фигур и риторических приемов. Например, вопрос Филлиды:

Dic mihi, quid fecit, nisi non sapienter amavi?
Crimine te potui demeruisse meo? (10)

Пер.: Скажи мне, что я сделала кроме того, чтобы любить тебя безумно? Могла бы я со своей виной заслужить твою благосклонность?

Козицкий:

Скажи мне, что я сделала? Разве не умно я тебя полюбила? Так виною моею могла я в тебе взаимную возбудить склонность? (Козицкий: 517)

Ржевский подчеркивает его амплификацией мотива «вины» через полиптотон:

Скажи мне, или чем тебя я оскорбила,
Или виновна тем тебя что полюбила?
Но оною виной винна не пред тобой,
Виновна, коль винна, пред светом и собой <...>
(Ржевский: 638)

Филлида является главной героиней длинного монолога; частые стиховые переносы подчеркивают излишние чувства, и когда в конце героиня уже в полном отчаянии, Филлида у Ржевского восклицает, вздыхает, «ахает» и «увывает», разыгрывает собственную драму как актриса, говорит с паузами, применяя экспрессивные повторы: «Да, так. Конечно так. Есть хитрости и в них!» Или она обращается к Демофону: «Скажи мне...», «Постой. Внемли...». Присутствующие у Овидия «слезы» и «поцелуи» имеются и здесь в избытке. Филлида дает Демофону такие определения, как *изменник*, *неверный*, *беззаконный*, *преступник*, *тиран* (этот эпитет отсутствует у Овидия).

Последние стихи эпистолы, где сама Филлида пишет свою надгробную надпись, особенно расширены Ржевским:

Над гробом будешь ты со именем убицы (так! — М. В.)
Любящая тебя изображен девицы;
И будешь знаем ты потомству своему
Таким стихом или подобным ты сему:
«Филлиду Димофонт, его любящу страстно,
Похитя честь ея во время ей несчасно,
И обольтив ее, тирански умервил:
Он, сняв с любви плоды, неверность ей явил,
И тем соделал он ея причину смерти;
Она дерзнула жизнь своей рукою стерти»
(Ржевский: 646).

В России XVIII века перевод имеет особую функцию восприятия и обработки литературных мотивов из общего запаса классической и европейской литературы. Систематическое изучение данного явления во всех его тонкостях еще впереди. Отметим, что переводы второго послания «Героид» в общем, а особенно переложение Ржевского, представляют собой один из этапов становления жанра любовной элегии и развития образа женщины как главной героини литературного произведения. Именно «вздохи» и «трепет груди» Филлиды Ржевского торжествуют в стихотворении Карамзина «К Филлиде» 1790 г. Именно «слезы» Филлиды Ржевского орошают постельные принадлежности в стихах Вяземского «К подушке Филлиды» 1815 г.